

Н. П. Павлова

АЛЬТРУИЗМ МЕЦЕНАТОВ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

УДК 37.014:7.078

ББК74.03(2)

По масштабам содеянного отечественное меценатство и благотворительность действительно оказали заметное влияние на историю, культуру и образование в России. Мотивирующими факторами деятельности меценатов были как глубоко патриотические устремления, так и личные амбиции, и чисто корыстные, утилитарные интересы.

Ключевые слова: меценатство; благотворительность; милосердие; образование; низшие профессиональные учебные заведения; социокультурный феномен.

N. P. Pavlova

ALTRUISM PATRONS IN THE PUBLIC LIFE OF RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The scale of the offense domestic philanthropy and charity really had a marked effect on the history, culture and education in Russia. Motivating factor activity patrons were as deeply patriotic aspirations and personal ambitions, and purely selfish, utilitarian interests.

Key words: patronship of art; charity; compassion; education; the lower professional institutions; social-cultural phenomenon.

Центрами благотворительности и милосердия на Руси на протяжении многих веков были русские монастыри. Это были уникальные культурные центры, там располагались библиотеки, собрания икон, т. е. произведения мастеров, нередко выдающихся, рус-

ского и зарубежного искусства, скульптуры, мелкой пластики, ювелирного искусства. Церковь и монастырь были центрами духовного притяжения, оказывающими огромное воздействие на нравственный мир людей [7. С. 338].

Проповедуя христианские при-

нципы милосердия, церковь постоянно сама подавала пример творением блага — благотворительностью. Замечательный подвижник Стефан Пермский знаменит не только тем, что создал азбуку для пермяков, был миссионером и просветителем, но и тем, что в годы неурожая закупал хлеб в других землях и кормил голодную паству. Преподобный Сергей Радонежский, также признанный святым, выдающийся исторический деятель Руси, благословивший ее на борьбу за освобождение от татаро-монгольского ига, просветитель и праведник, прославивший своими благими деяниями Троицкую обитель, проповедовал благотворительность как одну из главных задач русского православного монастыря.

Милосердие, как образ жизни, благотворительность как естественная потребность души — постоянные спутники Русской Православной Церкви на протяжении 1000 лет ее существования. «Любовь покрывает все, — отмечал в своих “Кратких наставлениях и изречениях” преподобный Амвросий, знаменитый оптинский старец. — И добро ближним должно делать не только движимым долгом, но и — по влечению сердца» [3. С. 46].

Бедная Церковь может помочь лишь добрым словом, богатая — и делом. Так и с людьми. Бедные, живущие по закону высокой нравственности и добра, люди всегда готовы отдать ближнему то немногое, что у них есть. И нравственная цена такого добра весьма велика (в различные благотворительные фонды и сегодня

приходят сотни тысяч даров, оторванных от пенсий, стипендий, малой зарплаты). Но люди богатые, нажившие свое богатство «трудами праведными», и сделать могут больше.

До середины XVI в. христианская благотворительность была главным образом личной, частной. Подавая милостыню нищему, передавая средства монастырю, благодетель — князь или боярин — делал это для того, чтобы самому стать выше духовно, обеспечить себе место в потустороннем мире благодаря молитвам тех, кому он оказывал помощь. Князь Владимир Мономах обращался к своим сыновьям (1117 г.): «Самое главное — не забывайте убогих и сколько можете их кормите!» [8. С. 157].

Благотворительность как система — дифференциация положения нищих и стремление по-разному подойти к лишенным средств существования — начала складываться в рамках государственной благотворительности в середине XVI в.. Она нашла свое первое законодательное обращение в «Стоглаве» 1551 г. — уникальном для Европы того времени документе, показывающем состояние общества в его бытовой, непродуцированной и неполитической сферах. В нем говорится о трудоустройстве работоспособных нищих, создании богаделен для прокаженных и престарелых на пожертвования под надзором духовенства и целовальников (выборных общественных) [10. С. 351].

Таким образом, мы встречаемся в тот период с двумя новыми явлениями в области благотворительности: во-первых, переход от милосердной по-

мощи, сформировавшийся в лоне православной Церкви отдельным лицам к системе общего призрения с различным подходом к разным группам требующих помощи, во-вторых, появляются первые шаги государственной, светской организации помощи.

В последующем история благотворительности ознаменовалась значительными изменениями в организации социального призрения в России. Еще проектом 1682 г. предлагалась государственная программа борьбы с нищенством всеми средствами — от частной и монастырской благотворительности, организации ремесленных училищ для малолетних и до полицейских мер.

В царствование Петра I государственная благотворительность приобрела бюрократические черты, сочетавшиеся с репрессивной политикой по отношению к профессиональным нищим: под угрозой штрафа в 5—10 руб. запрещено было подаяние. Одновременно на средства казны в 1715 г. созданы госпитали для приема подкидышей, а в 1721 г. призрение было вменено в обязанности полиции, которая устраивала смирительные дома для здоровых нищих и гуляк, а также «прядельные» дома для «непотребного и неистового женского пола» [6. С. 74].

В XVIII в. государственная система призрения получила наибольшее развитие. Каждый губернский город имел свою богадельню, своего попечителя богоугодных заведений, появились приказы общественного призрения. Были созданы дома для воспитания «ззорных младенцев» —

детей, от которых отказывались матери, причем предусматривалось, что в этих домах должны быть сделаны специальные окна, чтобы через них не было видно тех, кто тайно приносил этих младенцев.

Вместе с тем были введены полицейские меры (запрет пропуска нищих через заставы, отлавливание и передача их на мануфактуры и в солдаты), которые были призваны административным путем ликвидировать профессиональное нищенство и решить сложные социальные задачи.

В последнюю четверть XVIII в. благотворительность осознавалась правительством как компонент политики просвещенного абсолютизма. В 1775 г. в губерниях созданы приказы общественного призрения: забота о призрении поручена земским капитанам (1775 г.), городничим (1781 г.), частным приставам (1782 г.). Указами 1797, 1801, 1809 гг. и др. забота о нуждавшихся вменена в обязанность сельским и городским обществам и приходам. В 1797 г. императрица Мария Федоровна возглавила воспитательные дома, Коммерческое училище в Москве. Ее именем было названо Ведомство учреждений императрицы Марии.

Представители императорской фамилии, формируя моду и традицию, привлекали общественное мнение к благотворительности, покровительствовали обществам и фондам [4. С. 35].

Неизмеримо более действенным оказалось сочетание государственных форм благотворительности с общественными и частными формами, что

стало характерным для последнего, четвертого этапа истории социального призрения в России, т. е. для времени с середины XIX в. и до 1917 г.

Становление капитализма в России привело к противоречивым явлениям. С одной стороны, это усиление социальной поляризации и увеличения числа лишенных традиционных основ жизни и источников существования людей, требовавших особого внимания общества. С другой — выход на общественную арену различных слоев, появление национальных буржуазных деятелей, лишенных в условиях самодержавного государства политических прав, но достаточно обеспеченных и просвещенных для осознания необходимости на основе частной инициативы и на доходы, получаемые от капиталистических предприятий, развернуть новые формы помощи лишенным возможности нормального существования.

Частная благотворительность в России в конце XVIII — начале XIX вв. стала главным видом национальной благотворительности русского народа. 73 % от общих расходов на благотворительность составляли пожертвования от частной благотворительности.

История благотворительности в России богата и исключительными примерами. К таким можно отнести следующий пример. Во время неурожая 1787 г. Н. И. Новиков, организатор издательства выпуска учебных пособий по различным отраслям знаний, журнала «Утренний свет», на доходы которого в 1777 г. было построено в Москве два училища для сирот и детей бедных родителей (в 1779 г.

три подобных училища были им открыты и в Твери), обратился к членам своей масонской группы со странным призывом оказать помощь голодающим крестьянам. Его авторитет и красноречие имели столь сильное воздействие, что один из его адептов премьер-майор Григорий Михайлович Походяшин отдал свое огромное состояние, оставшееся ему в наследство от отца, владевшего медными рудниками в Сибири, на раздачу бесплатного хлеба голодающим. Располагая походяшинским капиталом, Н. И. Новиков оказывал помощь бедным в таких размерах, что возбудил даже недоброжелательные домыслы о том, что будто бы масоны печатают фальшивые деньги. А сам Походяшин, отдав свое богатство, доживал свои дни на чердаке в положении, близком к нищете с сознанием выполненного долга перед людьми и перед Богом, умерив желания, преступив через собственное «эго», укротив гордыню, отрешившись от всеразлагающего накопительства.

В 1785 г. правительство времен Екатерины II с целью повысить самостоятельную активность различных общественных слоев издает «Городовое положение», которым ввело сословные разряды: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство. Каждое сословие на правах самоуправления обязано было заботиться об организации помощи нетрудоспособным членам. Естественно, что потребности в социальной помощи нуждающимся и возможности ее удовлетворения в каждом сословии были неодинаковыми. Самые нижние

в дореволюционной иерархии слоен населения — ремесленники, сезонные рабочие на отхожих промыслах, крестьяне — больше всего страдали от всевозможных социальных потрясений и стихийных бедствий, но они располагали наименьшими возможностями организовать в рамках своего сословия решение проблемы социальной помощи нуждающимся.

С развитием капитализма на передний план общественной жизни страны все более выступали представители торгово-промышленного капитала. Соответственно этому в организации дела общественного призрения все большую роль начало играть купечество, причем купеческое общество направляло средства как на оказание помощи членам своего сословия, так и на поддержку неимущих слоев населения независимо от сословной принадлежности.

Российский предприниматель, экономическое значение и социальная роль которого постоянно росли после отмены в 1861 г. крепостного права и вступления России на путь капиталистического развития, не мог довольствоваться тем, что основные рычаги государственной машины находились в руках самодержавия и неразрывно связанных с ним дворянства и бюрократии.

Благотворительность была широко распространена среди предпринимателей, являлась определенной исторической традицией. Если говорить о капиталисте как о человеке, интерес которого сосредоточен в плоскости чисто материальной, то в таком случае пропадают многие другие Примеча-

тельные штрихи социального портрета; обедняется и затемняется его историческая роль и значение. Капиталист — это не только «погоня за чистоганом». Крупный предприниматель, хозяин и руководитель мощного промышленного или торгового предприятия объективно заинтересован в том, чтобы иметь высококвалифицированный персонал, способный овладеть новым оборудованием, новейшими приемами ведения капиталистического хозяйства для того, чтобы выдержать жестокую конкуренцию. Отсюда их заинтересованность в развитии образования, в первую очередь профессионального: отчисления на школы, училища, институты и университеты. Во многих компаниях подобные расходы становятся обязательными уже с конца XIX в., о чем красноречиво свидетельствуют сохранившиеся финансовые отчеты предприятий. Несомненно и то, что рост самосознания буржуазии приводил к изменению «корпоративной психологии» и способствовал тому, что представители делового мира (конечно, далеко не все) начинали ощущать свою неразрывную связь с будущим народа, которое было немыслимо без развития просвещения и культуры.

Были и другие причины, обуславливавшие расходы на потребление и расширение «своего дела». Для одних они носили традиционный религиозный характер, диктовались внутренней потребностью «пособить сырым и убогим», что вело к выделению средств на богадельни, приюты ночлежные дома и т. д. Это была вообще типичная форма буржуазной благотворительности, отличавшаяся

от обычной подачи милостыни лишь своими масштабами. Религиозные воззрения, христианская этика и мораль (многие капиталисты были чрезвычайно набожными людьми), стремление к тому, чтобы люди жили в соответствии «с волей божьей», вызывали пожертвования на церкви и монастыри [1. С. 129—130].

Первоначально среди жертвователей и меценатов преобладали представители аристократии, землевладельцы. Князь Д. М. Голицын финансировал строительство в Москве Голицынской больницы (1802 г.). В мае 1810 г., по завещанию князя А. М. Голицына, была в Москве открыта картинная галерея при этой больнице.

Граф Н. П. Шереметев финансировал строительство странноприимного дома (1792—1807 гг.). С развитием частной торговли и промышленности благотворительностью стали заниматься предприниматели. Благотворительные завещания носили, как правило, имена своих создателей: Бахрушинская, Алексеевские глазная и педиатрическая, Морозовская детская больницы, Рукавишниковский, Мазуринский приюты, торговая школа им. Алексеевых и т. п. Расходы владельцев торгово-промышленных предприятий (например, Прохоровской Трехгорной мануфактуры товарищества, Понтера Альберта товарищества и др.) зачастую включали средства на родильные дома, ясли, детские сады, школы, библиотеки, бани, больницы, приюты и пр. Частные благотворительные общества и заведения возникли в конце XVIII — начале XIX

вв., среди них: Дом призрения, Штаб обер-офицеров (созданный графиней Шереметьевой в 1798 г.). Демидовский дом призрения трудящихся в Петербурге (1833 г.). Харьковское благотворительное общество (1843 г.). Общество посещения бедных в Петербурге (созданное В. Ф. Одоевским и В. А. Соллогубом в 1846 г.) и др. Рост их числа отмечен в 1841—1845 гг. (возникло 103 общества в городах и 16 в сельской местности) и в 1856—1860 гг. (соответственно 78 и 42). Стабильный рост в пореформенной России: 224 общества в городах и 85 — в деревнях (1866—70 гг.), 261 и 97 соответственно (1876—80 гг.), 357 и 126 соответственно (1881—85 гг.), 318 и 139 соответственно (1886—90 гг.) [2. С. 46].

Уже в начале XIX столетия только в Москве и Петербурге с большой пользой работали десятки благотворительных обществ. Здесь и мощное ведомство императрицы Марии Федоровны, основы которого были заложены женой императора Павла I, императрицей Марией Федоровной, пожертвовавшей из своих средств на женское образование и воспитание девочек-сирот около 4 млн. руб. Для 1828 г. — это огромная сумма! Это ведомство ежегодно брало на воспитание и обучение 100 000 младенцев: оно имело 176 приютов для взрослых людей, 21 школу для слепых детей, Мариины институты и училище для девочек, 31 женскую гимназию — всего не перечислить — более 500 учреждений с годовым бюджетом в 13,5 млн. руб. (около 25 % из госбюджета).

Благотворительность в России до середины XIX в. носила больше материальный характер, чем просветительский, духовный. Крепостное право, самодержавие, сама система не могли обеспечить нормальное существование человека. Бесконечные войны разоряли народ. Государство же не в состоянии было обеспечить потребности общества. Поэтому и инициаторами благотворительности были представители царской фамилии, которые видели в ней ту компенсацию своему народу, которую не в состоянии был дать монарший режим.

Устойчивое формирование низшего профессионального образования в России середины XIX — начала XX вв. начало развиваться под влиянием множества различных объективных и субъективных, социальных и культурных факторов и изменявшимся запросами общества, усилением просветительского движения и распространением прогрессивных педагогических идей в России, обусловивших специфику низших профессиональных учебных заведений на разных этапах развития. Но, прежде всего, развитие низшего профессионального образования было обусловлено следующими причинами: быстрым ростом крупной промышленности и нехваткой квалифицированных рабочих. Нехватка рабочих обусловила привлечение детей в сферу производства. Это было выгодно для фабриканта, поскольку оплата детского труда обходилась намного дешевле.

Однако резко возросшая численность детей, занятых в общественном производстве России на рубеже XIX—XX вв. не была адекватна

качеству их профессиональной подготовки. В связи с этим малолетние рабочие, не имея специальной и теоретической подготовки, не могли использовать новых приемов работы и, следовательно, снижали качество выпускаемой продукции и теряли в оплате своего труда.

Вместе с тем деятельность меценатов была направлена на развитие низших профессиональных учебных заведений, в частности:

- финансирование и открытие школ;
- строительство школьных зданий;
- определение характера учебного процесса: содержание, методов обучения;
- привлечение малолетних рабочих к образовательному процессу;
- издание учебной литературы;
- проявление заботы о наиболее одаренных детях и осуществление материальной их поддержки.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что способных детей сами фабриканты отправляли продолжать образование в другие учебные заведения и даже за границу.

При определении типа учебного заведения их устроители руководствовались потребностями конкретного производства, заботясь, прежде всего, о наилучшей подготовке специалистов для данной области. Это предопределяло характер образовательного процесса, диктуемый отраслевыми особенностями предприятия, по направлениям:

- текстильные, хлопчатобумажные.

К этому типу можно отнести школу при Прохоровской Трехгорной мануфактуре:

— ремесленные.

Владимирское земское ремесленное училище И. С. Мальцева, промышленные училища Ф. Чижова и др:

— художественные.

К этому типу можно отнести школу технического рисования графа С. Г. Строганова. Технические классы черчения и рисования, подобные Строгановским, были открыты в Курске, Риге, Керчи:

— сельскохозяйственные.

Примером может послужить сельскохозяйственная школа, созданная княгиней М. К. Тенишевой во Фленово Смоленской области, Кологривское низшее сельскохозяйственно-техническое училище Ф. В. Чижова и др.

Итак, возникнув из практических потребностей производства, фабричные школы, технические училища, школы и классы технического рисования, в целом, объективно выполнили определенную функцию. Главное, что они способствовали распространению грамотности среди низших слоев населения; также школа для рабочих отвечала потребностям различных общественных сил: для интеллигенции она являлась сферой реализации своего потенциала, для предпринимателей — условием повышения производительности труда и снятия налогового прессы с помощью благотворительности, для государственных деятелей школа стала средством воплощения замыслов в области образования и т. д. Их

совместная деятельность по образованию рабочих, работающих детей в особенности, была проявлением баланса интересов частных лиц, обществ и государственных институтов.

Благодаря заботе меценатов о развитии низших профессиональных школ достигалось постоянство кадров на предприятии, что повышало ответственность рабочих за деятельность всего предприятия, повышалось качество выпускаемой продукции. Подобный опыт организации низших профессиональных учебных заведений меценатами XIX в. был бы полезен в настоящее время.

Однако были и другие причины, объясняющие появление потомственных благотворителей. Но причины религиозного характера, диктовавшиеся давними традициями милосердия и благотворительности на святой Руси, осознанием потребности «пособить сирым и убогим», — одни из самых значимых в ряду уже упомянутых. Подчеркивая значимость религиозных мотивов благотворительной деятельности отечественных капиталистов конца XIX в.— 1917 г., особо отметим в этой связи добрые дела купцов-старообрядцев. Можно с полным основанием утверждать, что историю благотворительности и меценатства в России, а не только в Москве можно изучать, не выходя за пределы Рогожского старообрядческого кладбища. В специальной главе «По старообрядческой Москве, Рогожское кладбище» старого путеводителя по Москве «Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям» читаем: «Имена на мо-

гильных памятниках сейчас же вскроют нам социальную основу старообрядчества: тут лежат все представители крупной буржуазии: Шелапутины, Рахмановы, Пуговкины, Бутиковы, Кузнецовы, Рябушинские, линия Тимофея Саввовича Морозова, Капырины, Рязановы, Ленивы и мн. др.». Почти все в этом перечне, и особенно Шелапутины, Морозовы, Рябушинские, многое сделали на поприще меценатства. А. И. Гучков также происходил из семьи с давними старообрядческими традициями» [9. С. 40].

Династия Демидовых, многие поколения которых оставили о себе память не только суровым отношением к работным людям, но и добрыми, милосердными делами. Так, по идее и на средства П. А. Демидова в 1772 г. было основано в Москве Коммерческое училище для мальчиков — «для того, чтобы сделать воспитанников из российских подданных знающими купцами» [2. С. 57].

Таким образом, меценатство и благотворительность в России в конце XIX в. — 1917 г. были существенной, заметной стороной духовной жизни общества и в большинстве случаев были связаны с теми отраслями общественного хозяйства, которые не приносили прибыли и не имели поэтому никакого отношения к коммерции. Альтруизм меценатов, удивительно высокая степень личного, непосредственного участия отечественных меценатов и благотворителей в преобразовании той или иной сферы бытия — все это в совокупности позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, надо согласиться с тем, что среди черт, определяющих своеобразие все более утверждающей себя отечественной буржуазии, одной из главных и почти типичных была благотворительность в тех или иных формах и масштабах.

Во-вторых, личные качества известных нам благотворителей и меценатов конца XIX в. — 1917 г., спектр их ведущих интересов и духовных потребностей, общий уровень образованности и воспитанности, наконец, высоконравственные мотивы благотворительности дают основания утверждать, что перед нами подлинные интеллигенты, в полной мере удовлетворяющие известным критерием, отличающим людей такого типа. И это не преувеличение, не эмоциональный вывод. Что, с точки зрения Д. С. Лихачева, отличает интеллигентного человека? Это «восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, эстетическое чутье, способность отличить настоящее произведение искусства от грубой «штучковщины», способность восхищаться красотой природы, понять характер индивидуальность другого человека, войти в его положение, а, поняв, помочь ему, стойкий иммунитет к грубости равнодушию, злорадству, зависти, обладание навыками воспитанного человека и т. д.» [5. С. 28].

В-третьих, обозревая масштабы сделанного благотворителями и меценатами в России на рубеже веков, прославляя сам механизм этой удивительной благотворительности, учитывая реальное воздействие меценатов

на все сферы бытия, объективно приходим еще к одному принципиальному выводу: отечественные меценаты и благотворители в России конца XIX в. — 1917 г. — качественно новое образование, оно не имеет аналогов в истории цивилизации, в опыте других стран.

Расставляя определенные акценты при характеристике меценатства и благотворительности в России как социально-исторического феномена, мы тем самым не повторяем избитые истины. Абсолютному большинству граждан России сегодня практически совершенно неизвестны имена многих

меценатов и благотворителей нашей страны. Между тем, эти люди были создателями, а не разрушителями. И, казалось бы, именно их имена должны бы быть на слуху, пользоваться уважением и вниманием. Однако плоды замечательной деятельности меценатов и благотворителей либо были уничтожены полностью (Тургеневская бесплатная библиотека-читальня В. А. Морозовой), либо частично (судьба Талашкино, имения княгини М. К. Тенишевой на Смоленщине и т. п.). Но главное — забыты люди, столько сделавшие не на словах, а на деле для России.

Список литературы

1. Белоусов, И. А. Ушедшая Москва / И. А. Белоусов. — М. : Правда, 1989. — 399 с.
2. Власов, П. В. Обитель милосердия / П. В. Власов. — М. : Просвещение, 1991. — 301 с.
3. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия / Сост. Агапит (Беловидов), схнархим., 2-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. — 440 с.,
4. Ильинский, В. Благотворительность в России: история, настоящее положение и задачи / В. Ильинский. — СПб., 1908. — 32 с.
5. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. — М. : Логос, 1989. — 238 с.
6. Максимов, Е. Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения / Е. Д. Максимов. — СПб., 1903. — 137 с.
7. Мионов, Г. Е. История государства Российского: Историко-библиогр. очерки XIX век / Г. Е. Мионов. — М. : Книжная палата, 1995. — 734 с.
8. Повесть временных лет. / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В.И. Адриановой-Перетц. — М.; Л. : Изд-во Акад. наук, 1950. — Ч. 1, 2. (Сер. «Лит. памятники»).
9. По Москве. Прогулки по Москве и ее художественным и просветительным учреждениям. / Под ред. Н. А. Гейнике и др. — М. : Изд-во М. и С. Собашниковых, 1917. — 672 с. / Репринтное переиздание. — М. : Изобразительное искусство, 1991.
10. Российское законодательство X—XX вв. / Под ред. д. ю. н., проф. О. И. Чистякова. В 9-ти т. — М. : Юридическая литература, 1985. — Т. 2. — 519 с.; Т. 3. — 511 с.